

...И ТОГДА ПРИДЕТ «КЕР ОГЛЫ»!

Завершается реконструкция Театра оперы и балета

Да будет позволено мне парадничать известную сцену и воскликнуть: «Театр начинается с востановки вход!».

Старый, потомственный интеллигент, долгие годы проживший в Москве, разоткровенничавшись однажды, и слова его крепко запаши мне в душу: «Понимаете, на остальных почти превращенный парад волшебным действием театра... Иные идут даже на давно предсказанную премьеру, кишащие, в невыглаженных брюках, пригласившие не гнушаются в сапожках вышагивать по фойе... Но ведь это же вопиюще! А знаете, отчего это происходит? Моя глубокая убежденность состоит, что театр и театр никак не отличаются от театра, простите, в кардинальную лагу — та же обстановка, та же теснота и заурядность...».

...Я стою в десятке, примерно, шагов от милого театр аккуратности кирпичной кладки и темноватых гранитом колонн парадного подъезда Азербайджанского государственного театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова и не могу оторвать взгляд от ослепительно-белой дубовой панели тяжелых дверей. Мне кажется, что эта такая таинственность и придает особую торжественность входу в этот храм искусства, в эту обитель муз.

Где я мог раньше видеть это? Немного напрягая память, и она услужливо подсказывает: да в Вудалаште! Там фасад национального оперного театра решен в таком же плане. (Между прочим, Вудалаште театр сыграл в Европе не только одним из ведущих по творческим силам и возможностям труппы, но и архитектурной достопримечательностью...).

И долго, извечно, стояла бы я, осмысливая эту информацию, если бы А. Д. Лемберский, возглавляющий весь гигантский лондонский комплекс работ по восстановлению нашего театра после пожара, случившегося в апреле 1985 года, не пригласил меня совершить небольшую экскурсию по, как бы выразился, строительству.

Да, это фактически строительство: огонь был прожорлив, погубил все здание, пощадил только его остои. И коллектив бакинского филармонического театра, которому было поручено подготовить проектную документацию, оказался в весьма затруднительном положении. Ведь не сохранилось никаких следов первоначального проекта, составленного в свое время предмет профессиональной гордости гражданского инженера Н. Баева, под чьим руководством Малловский театр, как его называли в довоенное время, был построен в 1910—1911 годах за рекордно короткие 10 месяцев и на протяжении добрых трех четвертей столетия являлся собой одну из многих архитектурных ценностей Баку.

Кстати, столь же своеобразны и сроки нынешних восстановительных работ. Мне конкретные даты стараться не называть, но довольно часто повторяют, что в течение уже сентября строители постараются завершить основные свои операции.

...Мы продолжаем наше только что закончившееся путешествие по театру. Мне показывают сцену, «акулы» вспомогательных помещений, грим-уборные, а потом ведут в одну из комнат у двери заблаговременно предупреждают: осторожно, не наступать.

Как-то призывая нас, что, шагнув в ложу из фойе, сразу оказавшись волею своего кресла. А тут — шикарный, но столь вульгарный табу, табу, помню я, видел в Нью-Йорке, в знаменитой «Метрополитен-опера», слева — зеркало, что-

бы можно было прятаться, галстук поправять, справа — мешалки.

Спускаемся в зрительный зал, и только тут я замечаю, что было ранее в театре два яруса, а теперь стало три. «Вы не ошиблись», — подтверждает мой собеседник. — И знаете, что я должен вам сказать? С любого из 1.200 мест — в партере, ложах, на балконе — сцена видна прекрасно. Не поверьте, но специально усаживались во все без исключения кресла».

По-моему, самый момент заинтересоваться акустикой, а то ныне выраженные спонсором меломаны поспешили ума распространить версию, что звукоусиление бакинской оперы, одна из самых, к слову, совершенных в мире, в результате всех этих строительных-реставрационных работ пришла в негодность.

— Чепуха! — категорически отрезает А. Д. Лемберский. — Вульгарно на днях мы продавали несложный, но, думаю, важнейший в подобных случаях эксперимент. Подложили на сцене в полноту включенный транзисторный приемник, а сами стали перемещаться по залу. Должен вам с гордостью признаться: в любой его точке слышимость превосходная. Потом мы повторили все сначала, предварительно переключив приемник в оркестровую ложу. Эффект был тот же!

Самое любопытное в том, что трудился и трудятся на строительстве оперного театра только бакинские рабочие и инженеры (не верьте досужным разговорам о том, что институты издалека итальянские мастера, энергосистему монтировали венгерские, а кирпичную кладку возводили греческие). Действительно здесь специалисты из СУ-44 треста № 4 Министерства строительства Азербайджанской ССР, которые соорудили каркас, подразделения Министерства культуры, Худфонд республики, и все они отвечают и делу с душой и пониманием, творчески, не щадили ни сил, ни времени, ни знаний, ни умения.

— Но помощь, конечно же, была, — говорит А. Д. Лемберский. — И это в общем-то вполне есте-

ственно! Ведь строительство или реконструкция, как хотите, Азербайджанского оперного театра — дело всей страны, наших друзей за рубежом. Видите вон люстру? Поверьте на слово второй такой в Баку нет — ее по нашему специальному заказу изготовили в Ленинграде. В Москве нам шлют новый занавес из красного бархата, шторы, вставки, обиты полученными на Югославии кресла и стулья. Венгрия поставила новую осветительную аппаратуру. А зеркала мы заказали в Италии, и это самые настоящие всемирно известные зеркала.

— Ну, а светильники эти красивые, что украсили интерьер, гранит, которым выложены полы в фойе, гардеробе, перемещением в пустовавший десятилетиями подпол, эта оригинальная люстра с позолотой, украсившая ложи, стены зрительного зала, легкие, почти воздушные витражи, — дело рук бакинских строителей, — говорит заместитель директора театра П. Сырвантский.

— Честно мы и хвала за это! — поддерживает его секретарь партотдела, народная артистка республики Р. Ахундова.

— Я вырос, можно сказать, в этих стенах, — не в силах сдержать эмоций директор театра, заслуженный деятель искусств Азербайджана композитор А. Рзаев, родителем которого были в довоенную пору известными солистами оперы. — Но сейчас смотрю и не узнаю родной театр. Сказочная, прямо-таки метафорическая!

...Как и тогда, в далеком детстве, крепко зажимаюсь, и перед мысленным взором предстает прокладный бакинский вечер.

Мягким неназойливым светом заливают празднично украшенную улицу неоновые фонари.

Одни из других и чинному, торжественно оформленному парадному подъезду Азербайджанского государственного театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова содействуют «Волги» и «Жигули».

Сегодня — премьера. Причем премьера необычная — после ремонта, реконструкции и восстановления театр вновь распахивает двери поклонникам Мельомны.

Самые лучшие места по нашей давней традиции отведены тем, чьими руками воссоздавался этот величественный очаг культуры, — монтажникам и штукатурам, каменщикам и малярам.

Дают «Кер оглы» — жемчужину азербайджанского музыкального искусства.

И нарядная, преисполненная радости от предстоящей встречи с прекрасным, от долгожданного приобщения к чарующему миру неповторимых мелодий великого Узеирова Гаджибекова публика спешит занять свои места и с томлением ждет первых тактов увертюры, вобравшей в себя всю патетику свободных устремлений народа и его легендарного героя.

— Там оно и будет! — словно читает мои мысли А. Рзаев. — Только скорее бы настал этот день!

А. КЯЗИМЗАДЕ.

Среди тех, кто приближает встречу театра с гостями, — электромонтажники Сейфаддин ДАМИРОВ и Акиф ВЕЛИЕВ из БМУ-2 треста «Азпром-электромонтаж».

Фото Ф. Хайруллина, А. Мамадова (Азербайджан) и А. Абдуллаева.